

VS ЭКОНОМИКА ИСКУССТВО

АЛЬМАНАХ ЦЕНТРА
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
КУЛЬТУРЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНСТИТУТА
ГАЙДАРА

УДК 7.01
ББК 65.498.5
Э40

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ СЕРИИ

«НОВОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ»

Автономов В. С. (НИУ ВШЭ), Ананьин О. И. (НИУ ВШЭ),
Анашвили В. В. (РАНХиГС), Болдырев И. А. (Университет Ней-
мегена им. св. Радбоды Утрехтского), Заманьи С. (Болонский
университет), Кламер А. (Университет им. Эразма Роттердам-
ского), Кудрин А. Л. (Москва), Макклоски Д. (Университет
Иллинойса, Чикаго), Мау В. А. (Москва), Нурсев Р. М.,
Погребняк А. А. (ИТМО, Санкт-Петербург), Расков Д. Е.
(Санкт-Петербург), Широкопад Л. Д. (СПбГУ)

Экономика vs искусство

Э40 Альманах Центра экономической культуры [Текст] / под ред.
Д. Кадочникова, А. Погребняка, Д. Раскова. — М.; СПб.: Изд-во
Института Гайдара; Центр экономической культуры, 2024. —
(Новое экономическое мышление). — 360 с.
ISBN 978-5-93255-651-1

Сборник «Экономика vs искусство» подготовлен по итогам состо-
явшейся на факультете свободных искусств и наук Санкт-Петер-
бургского государственного университета 16–18 июня 2022 года
одноименной конференции. Идея сборника проистекает из того,
что, с одной стороны, экономисты не только отображают, опи-
сывают реальность, но и переосмысливают, оценивают ее, а иногда
и предлагают альтернативную версию реальности; теоретико-
экономическое осмысление действительности распространяется
и на искусство, как на результат не только творческого порыва,
но и хозяйственной деятельности. С другой стороны, искусство,
как сфера, наделенная огромным потенциалом трансформации
культуры и повседневности, в том числе и их экономической со-
ставляющей, в крайних своих проявлениях способно постулиро-
вать как радикальный отказ от капиталистических отношений,
так и абсолютное слияние с системой экономического обмена.
Искусство обозначает собственные границы в диалоге с эконо-
микой и тем самым открывает символическую природу эконо-
мики. Авторы и редакторы сборника надеются, что включенные
в него статьи послужат дальнейшему развитию диалога предста-
вителей обществоведческих дисциплин и искусства.

© Издательство Института Гайдара, 2024

ISBN 978-5-93255-651-1

Содержание

Предисловие · 9

ЭКОНОМИКА И ЭСТЕТИКА: АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Д. В. Кадочников. Экономические идеи и эстетические идеалы: направления взаимодействия · 13

Д. Е. Расков. Барокко и камерализм: к интеллектуальной истории экономической мысли · 38

О. В. Горяинов. Господин Тэст и деньги: о некоторых следствиях картезианства Поля Валери · 63

А. А. Погребняк. Гамлет садится за руль (об одном эпизоде фильма Э. Рязанова «Берегись автомобиля!») · 100

Ж. В. Николаева. *Horror vacui vs horror excessus*: почему медленная экономика и медленная архитектура ищут критерии визуальной экологичности вместе · 114

В. В. Путинцева-Арданская. Добавочное удовольствие (пост)советского субъекта: потребление вещей и роль искусства · 138

А. В. Николаев. В чем трагичность «Трагедии общественного» · 148

ИСКУССТВО КАК ИНДУСТРИЯ И БИЗНЕС

А. Б. Парыгин. Искусство как бизнес или что есть искусство? · 167

J. A. TAYLOR. Was Arnold Hauser Right that Economics Decisively Determines the Creation of Fine Art? · 177

- В. П. Федоров. Памятники культуры: стимулы к возвращению в экономический оборот · 182
- Е. В. Жбанкова. Кинопредприниматели дореволюционной России: художники или нет? · 194
- Н. Д. Ирза. Георгий Костаки: стратегия успешного коллекционирования · 205
- Н. Ю. Фролова. Феномен развития коллекционного дизайна · 222
- Н. А. Мальшина. Единство и противоположности содержания индустрии культуры России · 237
- Е. Л. Шекова. Управление учреждениями культуры в условиях кризиса · 252
- Е. Ю. Юдина. Искусство организации Больших гуляний в московском городском Манеже в последней четверти XIX века · 273

ИСКУССТВО, ЭКОНОМИКА, ДИГИТАЛИЗАЦИЯ

- А. Я. Сарна. Нет-арт и новые медиа: сети как капитал · 285
- Г. Л. Тульчинский. Экономика и искусство: встреча в цифре · 304
- Д. Б. Пушкина. Искусство преподавания междисциплинарных предметов в онлайн- и офлайн-пространстве: опыт COVID-19 · 323
- П. М. Лукичѐв, С. А. Кузеква. Антиутопия как несветлое будущее взаимоотношений человечества и искусственного интеллекта · 350

Экономические идеи и эстетические идеалы: направления взаимодействия

Денис Кадочников

Кадочников Денис Валентинович (e-mail: dkadochnikov@yahoо.com), кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и истории экономической мысли Санкт-Петербургского государственного университета, старший научный сотрудник Международного центра социально-экономических исследований «Леонтьевский центр» (Санкт-Петербург, Россия).

Эстетические идеалы создаются, меняются, уходят, воспроизводятся как в творческом создании оригинальных произведений, так и в тиражировании копий. Экономическая логика неприменима к анализу творческого акта, но вполне применима к анализу формирования и воспроизводства эстетических ценностей и идеалов, поскольку в отличие от индивидуального по своей природе акта творчества формирование, воспроизводство и трансляция эстетических идеалов — это общественный процесс, в котором задействованы разнообразные производительные силы общества. Экономика производит эстетические ценности так же, как она производит и материальные ценности; в этом смысле искусство, художественное творчество — это отрасль экономики. Но то же самое можно сказать и о науке, в том числе об экономической, — экономические знания и идеи, пусть и рождаются изначально в сознании индивидуальных исследователей, приобретают подлинную силу и влияние тогда, когда воспроизводятся в экономической политике и практике, то есть когда становятся частью хозяйственной деятельности. В связи с этим интересно исследовать вопрос о том, как связаны друг с другом экономические идеи и эстетические идеалы, коль скоро и те и другие не могут не быть укоренены в экономической деятельности людей.

Ключевые слова: эстетика, этика, экономические идеи.

Введение

Экономическая наука и искусство взаимодействуют и изучают друг друга на многих уровнях и разнообразными путями. Довольно распространены попытки использования теоретико-экономической методологии при анализе формирования цен на произведения искусства, хотя на данный момент, как представляется, основным выводом такого рода попыток является признание неадекватности традиционных моделей анализа ценообразования там, где мы имеем дело с невоспроизводимыми объектами, к каковым относятся произведения искусства (оригинальные во всяком случае). Несколько более продуктивным, методологически обоснованным и полезным в прикладном плане оказывается анализ формирования цен на тиражируемые копии произведений искусства / на права воспроизведения и копирования. Искусство можно рассматривать и как отрасль экономики, которая развивается в значительной степени в той же логике, что и другие отрасли, откликается на изменения экономической конъюнктуры. В свою очередь, искусство обращается к экономическим реалиям как к объекту внимания художников различных жанров, пытается дать оценку тем или иным экономическим идеям и явлениям.

В данной статье предпринимается попытка взглянуть на экономику (как теоретическую дисциплину) и на искусство в их взаимосвязи, а именно на взаимодействие экономических идей и эстетических идеалов, которые находят воплощение в произведениях искусства. Экономические идеи или суждения — это представления о том, как функционирует (позитивные суждения) и/или как должна функционировать (нормативные суждения) экономика, как хозяйству-

ющие субъекты ведут / должны вести себя в процессе производства и обмена благами, а также распределения и использования (потребления) результатов хозяйственной деятельности. Как позитивные, так и нормативные теоретико-экономические идеи связаны с хозяйственной этикой и с этикой вообще как с системой представлений о должном в отношениях между людьми. С другой стороны, эстетические идеалы воплощают представления о том, что считается красивым, привлекательным, а что — уродливым и отталкивающим. Теоретико-экономические / экономико-этические и эстетические суждения на глубинном уровне связаны друг с другом, поскольку в их основе лежит определенный способ восприятия, определенный взгляд на человека, общество, окружающую действительность. Если исходить из того, что должное и приемлемое в этическом (в том числе и в экономическом) плане не может быть отталкивающим и уродливым в эстетическом плане и наоборот (см., в частности: Бондарев 2017), то следует предположить и существование тесной связи экономических идей / суждений / оценок и эстетических идеалов. Интересно рассмотреть вопрос о том, как связаны друг с другом экономические идеи и эстетические идеалы, обратившись к истории их изменений.

Ренессанс и барокко: непостижимость божественного замысла, усложненность и гармония

История европейской общественно-экономической мысли началась с формированием централизованных абсолютистских государств и, как следствие, формированием предпосылок для развития национальных (а позднее — и глобальных) рынков. Выработка советов

и рекомендаций для властей изначально составляла основную задачу экономической науки, которая мыслилась как часть науки о государственном управлении. Некоторые созданные в то время (XVI–XVII века) экономические концепции сегодня воспринимаются как примеры позитивного анализа, как примеры теоретического осмысления тех или иных экономических явлений, но в основном потому, что намеренно забывается/игнорируется политический контекст их создания; зачастую это не столько анализ реальности, сколько обоснование необходимости/целесообразности того или иного политического воздействия, либо отказа от такого воздействия. Нормативность экономического знания докапиталистической эпохи была естественным следствием обслуживания государственных интересов. При этом вплоть до полного утверждения капиталистических отношений и формирования рыночного хозяйства экономические знания представляли собой, скорее, суждения по отдельным узким и/или сугубо прикладным вопросам, таким как допустимость взимания процента, эффекты торговых ограничений и т.п. Советники европейских монархов, коммерсанты и банкиры того времени уже обладали немалым запасом знаний о ведении хозяйства на микро- и на макроуровне, владели нетривиальными практическими техниками, полезными в хозяйственной деятельности (способы хозяйственного учета, финансовые вычисления, формы организации коммерческой деятельности и распределения рисков и т.д.). В эпоху ренессанса идеи гуманизма овладевают умами и заставляют задуматься о жизни и благосостоянии человека и общества, об устройстве человеческого организма и организма общественного. Поиски художественной гармонии сочетаются с поисками гармонии общественной, хозяйственной. Тактическая хозяйственная осведомленность и рациональ-

ность, однако, еще не сопровождалась попытками разработки целостной картины экономических отношений, комплексного теоретического видения экономики как системы. В какой-то мере это можно приписать отсутствию критической массы накопленных экономических знаний. Но, как представляется, мыслители докапиталистической эпохи и не ощущали потребности в некоей целостной теоретической системе, которая «все расставила бы по местам», поскольку в мировоззрении людей той эпохи интуитивное понимание взаимосвязанности и упорядоченности мира сочеталось со смиренным принятием невозможности полного постижения божественного замысла. Это мировоззрение в наибольшей степени нашло отражение в эстетике сменившего ренессанс барокко (см., например: Вёльфлин 2004). Для этого художественного направления характерна вычурность, намеренная усложненность, активное использование разного рода «обманок» и внешних эффектов. Барочная усложненность — это и воплощение идеи богатства, и воплощение идеи непостижимости, скрытости истины, которая постигается не рационально, а воспринимается чувственно. Вместе с тем за этой усложненностью угадывается и упорядоченность, стремление к гармонии отдельных частей, унаследованное от ренессанса. Наиболее «общественными» во многих смыслах жанрами искусства во все времена были архитектура и градостроительство; в них же барочный взгляд и на эстетику и на общество/хозяйство проявились в наибольшей степени. Властители барочного города (вспомним, например, Рим времен расцвета папства, Прагу, Вену и Зальцбург XVI–XVIII веков), пусть и развиваясь в условиях, унаследованных от Средневековья, не стремились радикально их преобразовывать, в том числе, вероятно, потому, что не воспринимали его (да и в целом общество) как единый организм.

В хаосе и переплетении улиц и переулков, площадей и садов возникали храмы, замкнутые монастырские комплексы, укрепленные замки-дворцы, отгораживающиеся, а не раскрывающиеся навстречу городу (а если и приоткрывающиеся, то какой-то одной своей стороной, зачастую совершенно непохожей на прочие). Сначала ренессансный, а затем и барочный город, будучи средой, в которой формируется барочное мировоззрение, — это город сосуществующих, но разобщенных сообществ и сословий, районов и кварталов, живущих по своим правилам и в своей социальной реальности; в нем не проявляется идея общественного порядка и гармонии, в то время как храмы напоминают об ином, непостижимом в полной мере, божественном замысле, божественной гармонии.

Эпоха классицизма: образ всеобщей гармонии и порядка в науке и искусстве

Формирование теоретико-экономического знания в современном понимании условно принято относить к рубежу XVII и XVIII веков, когда на смену обсуждению отдельных вопросов экономической политики (таким, как внешнеторговые ограничения или организация финансирования государственных расходов) приходят первые попытки осмысления экономики, в целом как системы, а также ее отдельных элементов и характера функционирования. Интеллектуальным контекстом этого процесса были рационализм и эмпиризм (см. подробнее: Писарчик 2005). В это время в сознании обществоведов начинает складываться идея о государственном или общественном благе, о должном и рациональном устройстве общества и экономики. При этом период зарождения и разви-

тия классической политической экономии в Западной Европе (конец XVII — XIX века) совпадает с эпохой классицизма как эстетического направления (подробнее см.: Бутов 2018). Называя политическую экономию этого времени классической, историки экономической мысли обычно подразумевают ее основополагающую роль для дальнейшего развития этой дисциплины, однако с полным основанием можно считать ее классической и потому, что экономические идеи того времени вполне соответствовали классицистическому мировоззрению. Эстетические идеалы классицизма и экономические идеи классической политэкономии объединяет одна и та же философия и общий социально-экономический и политический контекст.

Вера в способность человека (а точнее, государства) обеспечить гармоничное и слаженное развитие общественного организма на основе познания и использования в практической деятельности неких предположительно существующих закономерностей функционирования экономики зиждется на убеждении в том, что существует и достижим некий идеал общественной жизни, которая может и должна быть устроена как механизм, все детали которого выполняют свои задачи, слаженно взаимодействуя, а не мешая друг другу. Идея «невидимой руки рынка», которой не нужно мешать, но необходимо, напротив, устранить препятствия и ограничения для ее воздействия, чтобы добиться всеобщего процветания, не подразумевает наличия в обществе /экономике фундаментальных противоречий, как, впрочем, и наличия какой-бы то ни было неопределенности; напротив, эта идея подразумевает, что общественно-экономической жизни внутренне присуща тенденция к достижению гармонии, в основе которой лежат устойчивые, ясные и познаваемые закономерности (см., в частности: Ананьин 2009). Рождение политической экономии

как научной дисциплины, претендующей на постижение механизма функционирования экономики, отражает не только стремление мыслителей «внести ясность» в сферу экономических отношений, но и веру в то, что эта самая ясность и гармония в ней есть, пусть и скрытая от обывателей.

То же самое стремление к ясности и простоте, предсказуемости композиции и декоративных приемов, гармонии и соразмерности отдельных частей, тяга к идеальным образцам и эталонам отразилось в классицизме как художественном направлении, в особенности в архитектуре, градостроительстве, садово-парковом искусстве. Идея строительства /преобразования города как единого ансамбля, в котором все части взаимосвязаны и встроены в единую иерархию элементов, впервые в Европе столь ярко явленная в классицистическом Версале (вначале в масштабах собственно дворцово-паркового ансамбля, затем в масштабах одноименного города) — это художественное выражение того же мировоззрения, которое в конце XVII — начале XVIII века заставило европейских мыслителей задуматься о едином общественном организме, о его устройстве, взаимосвязях его частей и закономерностях функционирования. Та же вера в гармонию, порядок и взаимосвязанность частей единого целого, которая проявила себя в искусстве классицизма, обнаруживается и в попытках политэкономов-классиков осмыслить народное хозяйство и предложить рецепты устранения того, что, по их мысли, препятствовало его гармоничному развитию. Вообще XVIII–XIX века — это время, когда во многих европейских городах предпринимаются более или менее масштабные попытки перестройки и переустройства городов и/или строительства новых городов, в которых воплощаются новые представления о красоте, удобстве и благоустройстве. Эпоха Просвещения,

которую вполне можно назвать эпохой классицизма, стала временем активизации строительства новых общественных пространств и зданий: парков, административных, учебных и медицинских учреждений, первых публичных музеев и т. д. В это время распространяются новые представления об общественном благе, о рациональной организации государственного аппарата и его задачах, а это, в свою очередь, приводит к новому пониманию того, как должна быть организована городская среда и общественные постройки. Пожалуй, именно в сфере градостроительства и архитектуры в наибольшей степени в тот исторический период проявляются новые эстетические идеалы и новые взгляды на общество и хозяйство и именно в этой сфере наглядно проявляется их неразделимость. Реализация крупных строительных и градостроительных проектов, формирование крупных музейных коллекций и обустройство новых общественных пространств требуют значительных ресурсов, что заставляет власти многих государств, прежде всего европейских, задуматься об экономическом развитии, об эффективности экономической политики как об условии, а также как об одной из целей преобразований всех сторон общественной жизни, в том числе искусства в самом широком понимании. Вероятно, наиболее амбициозный преобразовательный проект той эпохи — деятельность Петра Великого и его сподвижников. Стоит оговориться, что традиционно в художественной сфере этот период связывается не с классицизмом (который в своих наиболее чистых формах утверждается уже преемниками Петра на протяжении XVIII–XIX веков), а с (петровским, русским) барокко, однако в архитектурно-градостроительных аспектах русская архитектура и градостроительство начала XVIII века уже несут в себе важные черты классицизма (уже утвердившегося в то время во Франции и Англии), что

проявлялось, в частности, в ясности и целостности композиционных решений зданий, их изначальной «распахнутости», открытости в городское пространство и интегрированности в градостроительные планы. В деятельности Петра и его сподвижников и продолжателей (например, Ломоносова), в его взглядах и шагах связь между идеями относительно экономики и государства с одной стороны и искусством/эстетикой с другой стороны проявляется со всей очевидностью. Практическая и политическая целесообразность его начинаний и предписаний проявлялась не только в сфере градостроительства и архитектуры, просвещения, но даже в такой сфере, как мода. Еще Ключевский обратил внимание на то, что внедрение европейской (а на самом деле не общеевропейской (как не существовавшей тогда в чистом виде), а прежде всего немецкой и голландской, простой и практичной) одежды в обиход военных и государственных служащих был связан не просто с прихотью Петра, с его сугубо эстетическими предпочтениями, но с его представлением о новом образе жизни, о служении государству, требующем от непрактичной, изначально не рассчитанной на каждодневное деятельное времяпрепровождение старинной моды бояр и дворян. Само искусство в петровскую эпоху вполне осознанно ставится на службу государству, на продвижение его планов и интересов, на его включение в общеевропейские экономические связи. При этом если применительно к петровскому времени можно говорить, скорее, о ростках экономической мысли, то уже к середине XVIII века относятся первые российские попытки комплексного осмысления экономических реалий и выработки экономической политики — «Мнение об учреждении Государственной коллегии (сельского) земского домостроительства» М. В. Ломоносова от 1763 года и учреждение Екатериной II (во мно-

гом в развитие предложений Ломоносова) в 1765 году Вольного экономического общества. Неслучайно к эпохе Екатерины II относится окончательное утверждение классицизма на русской почве и распространение новых архитектурно-градостроительных идей за пределы столиц (см. также: Микишатьев 2018).

От романтизма к искусству *belle époque*: экономическая наука и искусство в поисках личностной гармонии

Возникновение в конце XVIII — начале XIX века романтизма было реакцией на классицизм (и во многом его отрицанием), противопоставившей идеям упорядоченности и рассудочности идеалы естественности, сентиментальности, поиска человеком собственного пути. Возникновение и развитие романтизма совпало с промышленной революцией, с распространением машинного производства и углублением разделения труда, которое при всех экономических преимуществах обернулось и невиданными ранее проблемами, связанными с отчуждением человека от результатов своего труда, превращением рабочих в придатки машин. Переводя фокус от общественного к индивидуальному благополучию, от общественного бытия к индивидуальному, романтизм восполнял проявившиеся в новых социально-экономических условиях лакуны классицистской парадигмы (см., в частности: Берковский 2001; Кудряшов 2021). В европейской экономической мысли сходный процесс (хотя и с некоторым запаздыванием) был связан с зарождением утилитаризма и в конечном итоге с маргиналистской революцией, возникновением, в частности, австрийской школы. Сдвиг акцентов на индивидуума, на то, как осуществляется индивидуальный выбор и при-

нятие решений, стал для экономической мысли середины — второй половины XIX века тем же, чем романтизм и сентиментализм был для европейского искусства.

Промышленная революция и урбанизация, вызвав тектонические социальные сдвиги, потребовали как обществоведческой реакции на новые реалии, так и активизировали художественные поиски. Последовавшие за романтизмом, историзм и ретроспективизм, попытки возвращения к национальным корням, новая промышленная архитектура и эклектика, сочетание и противоборство художественных течений и стилей стали отражением поиска новых эстетических идеалов (см., например: Журин 2016), в то время как в общественно-экономической мысли на смену если не консенсусу, то спокойному сосуществованию пришло противоборство и взаимное отрицание новых, все более расходившихся в своих взглядах экономических школ и учений. К концу XIX века в мире социально-экономических идей Маркс и его последователи продолжают уже на новом уровне рассматривать проблемы общественного хозяйства, общественного устройства, социальной справедливости и взаимодействия политики и экономики, развивая идеи классиков, в то время как представители неоклассической экономической теории сосредотачиваются на исследовании экономического поведения индивидов и фирм, закладывая фундамент микроэкономики.

Усилившееся в экономической науке в последние десятилетия XIX века внимание экономистов ряда направлений (маржиналистов, неоклассиков, австрийцев) к поведению отдельного человека/потребителя/предпринимателя, с одной стороны, отражало новые экономические реалии, когда на фоне промышленной революции, массового производства и активизации глобальной торговли и потребления, и индиви-

дуальное предпринимательство начали приобретать новое, существенно большее, чем ранее, значение. Возрастающее внимание к отдельному человеку, к индивиду, его мотивам и действиям в ту эпоху было характерно и для других общественных и гуманитарных дисциплин, неслучайно именно в этот период активно развивается психология в ее современном понимании. Новые социально-экономические возможности, открывавшиеся на фоне промышленного подъема и урбанизации перед старыми и новыми горожанами, меняющиеся образ жизни и характер труда сопровождалось возникновением новых вызовов, новых вопросов относительно отношений человека и общества, о понимании смысла жизни и сущности человеческого благополучия. В сфере эстетики также происходят перемены, которым также способствуют, с одной стороны, новые технические возможности и новые знания, а с другой — новые запросы меняющегося общества. Возникновение и распространение стиля ар нуво (модерн, югендстиль), стиля, радикально и целенаправленно более интимного и чувственного, чем классицизм (и даже романтизм) созвучно процессам, происходившим в это время в экономике и в общественно-гуманитарной мысли. Стремление к естественным и чувственным, текучим формам в новом стиле сочетается с интимностью и утилитарностью, функционализмом, но не с функционализмом ради экономии и эффективности (как в более поздних стилях), а с функционализмом ради человека, его комфорта, причем не только физического, но и душевного. В стиле ар нуво воплотился новый эстетический идеал, связанный с поиском прежде всего внутренней, индивидуальной гармонии, производной от которой мыслится общественное благополучие, а не наоборот. С точки зрения экономиста, ар нуво — это первый художественный стиль общества массо-

вого потребления. Связь между ар нуво как стилем изобразительного и прикладного искусства, а также как архитектурным стилем, и новыми техническими и экономическими возможностями, которые сделали возможным его утверждение и массовое распространение, отмечалась многими авторами (см., например: Брызгов 2009). Однако сдвиг внимания на благополучие и проблемы индивида был характерен и для литераторов, которые в выборе тем и средств выражения не столь зависят от технических и экономических возможностей, хотя, несомненно, ориентируются на запросы читателей. Одной из ярчайших иллюстраций смены идеалов в литературе стала смена эпох в русской литературе (вполне в русле общеевропейских тенденций, но едва ли не более зримо и ярко), когда на смену ее Золотому веку (который при всем многообразии тем и средств выражения стал порождением прежде всего классицистского мировоззрения, из которого вырос и романтизм) пришел век Серебряный. Ни в ту ни в другую эпоху русские писатели и поэты не игнорировали общественных проблем, но если первоначально благополучие индивида мыслилось, скорее, как часть, как производная от общественного благополучия, то в Серебряном веке общественное благополучие и общественные проблемы начинают осмысливаться уже с позиций отдельного человека, чьи чувства, устремления и проблемы находятся уже в фокусе внимания (см., в частности: Бычков и Бычкова 2009; Волошина 2012).

На рубеже веков активизируются художественные эксперименты, которые при всем своем разнообразии, объединены стремлением не к воспроизведению эталонных образцов и не к приближению к идеалу, а к поиску оригинального, индивидуализированного художественного языка. Идеалом становится оригинальность/индивидуальность выразительных средств,

что в каком-то смысле опять-таки продолжает тенденцию к возрастающему вниманию к внутреннему миру, но уже не людей вообще, а конкретного художника.

Современность: экономика и искусство отказываются от идеалов

Первая мировая война, с которой, по выражению Ахматовой, пришел не календарный, настоящий XX век, положила конец прекрасной эпохе и в экономике, и в искусстве. Масштабы послевоенных (а во многих странах — еще и послереволюционных) социально-экономических проблем, необходимость в восстановлении разрушенных экономик актуализируют поиски путей достижения общественной (и межгосударственной) гармонии, а в ряде стран — поиски утопического идеала. В экономике это выражается значительным усилением роли государства (в том числе в Советской России и, позднее, СССР, в ряде других стран — переходом к огосударствлению экономики и государственному экономическому планированию). В 1920–1930-х годах теоретическое обоснование необходимости огосударствления экономики (ради обеспечения общественного благополучия) в СССР строится на основе идей марксизма-ленинизма, в то время как в западных странах идеи относительно целесообразности и форм государственного вмешательства также находят свое выражение в трудах Кейнса и других экономистов. Декларируемое и на Западе, и на Востоке стремление к общественному благу, к построению гармоничного общества, общества всеобщего благополучия и т. п. не могло не повлиять на возвращение к художественным идеалам классицизма. В 1920-е, 1930-е, да и в последующие десятилетия, классицизм/неоклассицизм, по крайней мере в архитектуре, пе-

реживает второе рождение. Авторы книг по истории архитектуры по тем или иным причинам предпочитают (сфокусировавшись на конструктивизме, модернизме, баухаусе и других новых течениях) не замечать того, что замечает любой внимательный путешественник — не только в Москве, Ленинграде и других социалистических городах, но и в Вашингтоне, Лондоне, Мадриде, Париже, Риме, Берлине, Пекине, Токио, в городах по всему миру, в странах с формально разными политическими системами: в первой половине XX века неоклассицистская архитектура была едва ли не основным выбором при строительстве правительственных и общественных зданий. Впрочем, это возвращение классического мировоззрения в конечном итоге (где-то быстрее, где-то медленнее) исчерпывает себя. В том числе и как реакция (отрицание) на стремление к общественному идеалу/утопии, и как мечта о будущем, развиваются новые художественные стили и течения, которые вместо стремления к каким бы то ни было эстетическим идеалам, все чаще и все больше воплощают что-то иное — функциональность, экономизм, экологичность, право на самовыражение или просто необычность (см. также: Волков 2014).

Современное искусство/дизайн XX–XXI веков — явление, безусловно, многообразное и сложное, плюралистичное и в силу этого не очень поддающееся обобщениям. Но то, что значительная его часть (и, вероятно, все возрастающая) изначально не предназначена для удовлетворения эстетических потребностей, не претендует на это и не соотносится ни с какими эстетическими критериями (не говоря уже о выражении эстетических идеалов) — это вполне очевидный факт. Время эстетических идеалов, по-видимому, осталось в прошлом, вследствие чего в современном мире нет и не предвидится появления новых «больших стилей» в художественном творчестве, в искус-

стве. В том же, что касается производства и продажи товаров самого разного рода, и даже в строительстве и архитектуре, воцарились не эстетические идеалы, а мода/актуальность, представления о которых формируются/навязываются самими же производителями, причем запрограммированная недолговечность относится не только к материально-вещественным параметрам продуктов, но и к моде, которая стала столь быстротечной, что попытка увязать ее с какими бы то ни было эстетическими идеалами выглядит нелепо — не могут же идеалы радикально меняться каждые полгода. Весьма вероятно, что утрата или притупление эстетических идеалов и потребностей у людей/потребителей (в обмен на доступность и относительно низкую стоимость разного рода товаров) — это одно из условий сохранения и увеличения продаж в наше время, в котором, как и в недолговечности продукции, заинтересованы корпорации.

В сфере экономических идей происходят аналогичные процессы. Четкое разделение экономической науки на позитивные описания и нормативные предписания сложилось уже в XX веке, причем окончательно утвердилось уже во второй половине столетия, в послевоенный период, на фоне попыток превратить экономику во что-то вроде точной науки, использующей сложный математический аппарат для анализа разнообразных статических данных, объем и доступность которых к этому времени значительно выросли, а также для создания моделей, призванных объективно и беспристрастно описывать некие закономерности и устойчивые связи экономических явлений, а в идеале — обеспечивать возможности экономического прогнозирования. Однако стать точной наукой экономике не вполне удалось и, по-видимому, не суждено. Возрастающая математизация и формализация экономического дискурса во второй полови-

не XX века по необходимости сопровождалась измельчением исследовательских вопросов, мелкотемьем, отказом от попыток комплексного осмысления социально-экономических реалий в пользу все более формализованного исследования зачастую столь узкоформулированных проблем, что результаты таких исследований оказываются не понятны и/или не интересны никому, кроме немногочисленных, работающих в этом направлении авторов. При этом совокупность результатов исследований узких вопросов, даже если оставить в стороне весьма актуальный вопрос об их достоверности и качестве, никоим образом не дает и не способна дать адекватное представление о современной экономике. Вследствие этого в конце XX — начале XXI века ситуацию в экономическом дискурсе многие склонны описывать как кризис или как тупик (см., например: Полтерович 1998; Некипелов 2019). Мир экономических идей сегодня намного более плюралистичный и многоголосый, чем когда-либо в прошлом, но это не многоголосье активных споров и поиска истины, а многоголосье монологов (см.: Вольчик 2015). Академические экономисты вовлечены сегодня не столько в исследование и обсуждение актуальных проблем современного общества и экономики, сколько в «публикационную активность» — деятельность, название которой вполне верно отражает ее содержание и, зачастую, единственный результат — опубликованные тексты. При этом сложившаяся система найма / продвижения / поощрения академического персонала для оценки качества исследований использует ряд показателей, которые к сути, достоверности и востребованности собственно исследований не имеет практически никакого отношения, например число публикаций и число их упоминаний / цитирований в других академических публикациях. Прикладное исследование или консультационные услуги,

выполненные по заказу, например, органов государственной власти или корпораций для их собственных нужд и использования при принятии решений, либо вообще не рассматривается при оценке деятельности академических экономистов, либо оцениваются как нечто второсортное и необязательное. Монографии (притом, что комплексное рассмотрение практически любой проблемы возможно, скорее, именно в формате монографии, а не в формате журнальной статьи или даже серии статей) при этом оцениваются на уровне статьи в журнале, если не скромнее. Бюрократическая логика, заставляющая руководствоваться при оценке академического труда легко поддающимися измерению показателями, не встречает в среде собственно академических экономистов особого сопротивления — напротив, состоящие как раз преимущественно из представителей академического сообщества редакции академических журналов, оргкомитеты конференций, жюри грантовых конкурсов давно включились в ту же игру. Казалось бы простая и очевидная истина, что публикация или выступление на конференции — это способы представления (причем далеко не единственные) результатов научного исследования, а вовсе не сами результаты, удивительным образом массово игнорируется. В современных условиях, когда размещенная в интернете открытая информация доступна огромной аудитории, задача распространения и популяризации научных результатов может быть решена просто посредством предоставления открытого доступа к отчету об исследовании и его выводах, однако каким-то удивительным образом многие научно-исследовательские работы (например, в рамках тех или иных грантов) оцениваются по числу публикаций и выступлений участников работы на конференциях, в которых они рассказывают о своем исследовании. Но это (число публикаций

и выступлений) явно ничего не говорит ни об актуальности, ни о достоверности и востребованности выводов исследования. Идея же, в последнее время приобретающая популярность, что о научной ценности исследования можно судить по уровню цитируемости журнала, в которой публикуются его результаты, также выглядит несколько натянуто: действительно, у откровенно некачественных работ мало шансов на публикацию в престижном и широко цитируемом журнале, но поскольку такие журналы (особенно в области экономики) не могут стать широко цитируемыми, не ориентируясь на глобальную (что почти то же самое, что англоязычную) аудиторию, не могут не привлекать международных рецензентов, то спектр работ, которые в них в принципе могут быть опубликованы (и даже просто приняты к рассмотрению и направлены рецензентам) сужается, сводя к минимуму шансы рассмотрения работ, посвященных предметному анализу конкретных практически- и политически значимых вопросов в отдельных странах и регионах. Наиболее престижные международные экономические журналы и их рецензенты заведомо ориентированы на статьи, которые предположительно имеют в той или иной степени универсальную/международную актуальность, но при этом обосновывают выводы с использованием продвинутого математического аппарата и опираются на использование больших массивов статистических данных. Следствием этого является формирование своеобразного мира (мирка) престижных академических экономических журналов, который тематически и методологически оказывается если не совсем оторван от повседневной экономической политики и практики, то лишь отчасти с ними пересекается. Многие из предположительно выдающихся (если судить по присужденным премиям и по упоминаниям в учебниках) достижений эконо-

номической науки за последние несколько десятков лет представляют собой либо предельно абстрактные теоретические построения (не подтверждаемые эмпирически или же в принципе не поддающиеся проверке), либо такие обобщения, на основе анализа данных, которые применимы лишь к анализируемому массиву, но при попытке использования их для прогнозирования оказываются непригодны. В то же самое время при формулировании и реализации социально-экономической политики и в предпринимательской практике создаваемые экономистами сложные экономико-математические модели не то чтобы игнорируются, но, скажем так, принимаются к сведению. Нет особых оснований сомневаться в том, что на макро- и микроуровне экономические решения принимаются в настоящее время исходя из гораздо более простой и приземленной логики (в значительной степени ситуативно), нежели можно предположить, глядя на усеянные сложными формулами и графиками учебники экономики и статьи в экономических журналах. Более того, эта самая экономическая логика, которую современные экономисты пытаются воплотить в своих моделях, в чистом виде вообще вряд ли где-либо и кем-либо используется, сама по себе будучи не более чем построенной на умозрительных допущениях абстракцией.

Если, пользуясь аналогией Ананьина, современная экономическая практика (на политическом и на предпринимательском уровне) требует владения экономическими знаниями, как мастерством (ремеслом), приобретаемым отчасти в виде теории, но главным образом практическим путем, методом проб и ошибок, причем в конкретном социально-экономическом контексте, то академический взгляд на экономику все более приобретает черты искусства, причем чем дальше, тем все более беспредметного. Ни фантастичность